

©1999 г.

С. Д. МОРОЗОВ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
(конец XIX - начало XX в.)**

МОРОЗОВ Сергей Дмитриевич - кандидат исторических наук, докторант Института Российской истории РАН.

В России на рубеже XIX-XX вв. крестьянская семья была одновременно хозяйственной, экономической единицей, производящей своим трудом часть общественного продукта, а также репродуктивной ячейкой. Высокая рождаемость вплотную подходила к физиологическому пределу. Репродуктивные ориентации сельского населения были нацелены на многодетность, на большее число сыновей, которые по достижении совершеннолетия получали надел земли.

Демографическое поведение крестьян в конце XIX - начале XX вв. определялось взглядами на брак, семью и детей, отражавшими нормы обычного права, морально-этические нормы; своим происхождением и существованием они обязаны комплексу социально-экономических факторов. Важнейшими из них были необеспеченность старости со стороны государства или общины, высокая смертность детей и взрослых, а также невозможность ведения крестьянского хозяйства вне семьи. Нормы семейного права были категорическим императивом. Несоблюдение их ставило земледельца вне сельского общества или он подвергался осуждению крестьянского "мира".

Сельская община имела исключительные возможности по регулированию поведения крестьян, включая семейно-брачные отношения. Для крестьян отношения с односельчанами имели не столько интимный, сколько публичный характер. Принцип свободы личности, индивидуализма, право на независимую от общества жизнь и т.д. еще не проникли в семейные отношения. Публичность межличностных отношений на селе подчиняла крестьянина строгим нормам поведения; демографическое поведение не было исключением.

Эти нормы для крестьян имели религиозно-мистический характер; они были как бы получены предками от бога, а предки завещали их для сохранения и передачи потомкам. В деревне вообще имело исключительное значение все, что было освящено божьим промыслом¹. Такие установки находили поддержку церкви. Содержание этих норм и их отражение в реальной жизни большей части населения России характеризуется следующими чертами.

По мнению русского земледельца, брак - главное условие порядочности человека, его материального благополучия и общественной значимости; вступление в брак - моральный долг. Крестьяне считали, что не женятся физически и нравственно больные люди.

Экономическая и морально-этическая необходимость заставляла крестьян жениться при первой же возможности, делая безбрачие в их глазах практически невозможным. Крестьянский парень до женитьбы в деревне всерьез не воспринимался; он не имел голоса в семье, на крестьянском сходе; деревню ему не разрешали покинуть даже на короткий срок. Только после свадьбы он становился полноправным членом семьи и "мира" - сельской общины, обладателем прав и обязанностей полноценного члена крестьянского общества. Аналогичным было положение незамужних крестьянских девушек. По крестьянским понятиям, женщина без мужа не имела самоценности. Девичеству крестьянка предпочитала самую худую партию.

Невозможность холостой жизни земледельца объясняется ролью материального расчета, что приводило наблюдателей крестьянской жизни к мысли, что брак - хозяйственная сделка, а не взаимная склонность, эмоции и другие нематериальные соображения молодых и их родителей.

Неженатый крестьянин, а тем более крестьянка, не могли получить земельный надел - главный источник средств существования и "сесть" в "тягло": платить налоги, нести повинности. А без "тягла" они не имели никаких прав в обществе. Весьма важным было и то, что крестьянское хозяйство могло нормально существовать только при наличии в нем и мужских и женских рук, так как базировалось на возрастнополовом разделении труда, не допускавшем выполнения "мужиком" женской работы, а "бабой" - мужской. Полевые работы лежали в основном на плечах мужчин, хотя и здесь не обходилось без женской помощи, в частности, при уборке хлеба. Вся работа по дому, бытовому обслуживанию мужчин считалась женским делом.

И "малый", и "девка", и их родители, подталкивавшие их на ранний брак, не питали иллюзий по поводу семейной жизни молодых; одни хотели получить работницу в дом, другие - боялись засидеться в девках. Родители девушки больше всего боялись "греха": вдруг "девка" согрешит до свадьбы и тогда позор ляжет не только на нее, но и на них, а также на всю родню. По морально-этическим нормам деревни "заблудящая" девица никогда не выйдет замуж и навсегда опозорит доброе имя родителей. Стремление к вступлению в брак было характерно и для крестьян овдовевших.

Отрицательное отношение крестьян к холостой жизни обусловило высокую брачность в деревне. К концу XIX - началу XX вв. доля состоявших в браке уменьшилась. За последнее десятилетие XIX в. коэффициент брачности понизился до 9%; за первое десятилетие XX в. он составил 8,5%; за три года перед первой мировой войной он достиг 8,0%³. По данным переписи 1897 г., удельный вес женатых и замужних крестьян в Европейской России составил 65,1%. Несколько ниже по сравнению с серединой XIX в. были показатели никогда не состоявших в браке лиц сельского населения в возрасте 40-50 лет - около 3% мужчин и около 4% женщин.

Снижение брачности у крестьян на рубеже XIX-XX вв. было обусловлено рядом причин: повышение брачного возраста; освобождение крестьян из-под опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитие промысловой деятельности и особенно отходничества; усиление социальной дифференциации деревни; интенсификация миграционных процессов, вызванная проведением столыпинской аграрной реформы. Тем не менее, брачность оставалась очень высокой и в начале XX века.

Характерным было стремление женить детей как можно раньше: парней обычно в 18-20 лет, девушек - в 16-18 лет. Однако в ряде губерний, таких, как Курская, Орловская, Рязанская и др., девушек выдавали в 15, 14, 13 и даже в 12 лет. Крестьяне этих губерний при обращении к епархиальным властям мотивировали просьбы разрешить вступить в брак до 16 лет необходимостью иметь в доме работницу или хозяйку⁴.

Земские врачи считали, что браки до 20 лет преждевременны в силу неполной физической и половой зрелости крестьянской молодежи: в конце XIX в. около 8-10% новобранцев ежегодно получали отсрочку от призыва в армию по этим причинам⁵.

Глубокая убежденность в том, что брак и семья нерушимы, предполагала прочность крестьянских семей. Православная церковь и крестьяне на развод смотрели как на тяжкий грех, так как, по их мнению, супруги даны друг другу "по гроб": крестьяне безоговорочно верили, что брак свят и расторгнут быть не может. Лишь в исключительных случаях крестьяне решались на развод, а церковь его санкционировала. Разводы в деревне были большой редкостью. Так, в 1912 г. число разводов среди 115 млн. чел. православного населения России составило 3532, а в 1913 г. на 98,5 млн. православных всех возрастов был расторгнут всего 3791 брак; абсолютное большинство разводов приходилось на города⁶.

Гораздо более частым было прекращение брака по причине смерти одного из супругов. По представлению крестьян, вдовство - наказание бога, огромное несчастье. Второй брак вдовцов не осуждался, однако крестьяне относились к нему с некоторой опаской, что и он окажется недолговечным и несчастливым. Третий брак крестьянская среда осуждала, так как не могла смириться с тем, что вдовцы стремятся изменить свое семейное положение вопреки воле бога оставить их одинокими. Однако нужда заставляла вступить в брак второй и даже третий раз, причем значительная часть вдовцов, а особенно вдов, вступали в брак с овдовевшими.

Русская деревня рубежа XIX-XX вв. практически не знала сознательного ограничения количества рождений в браке. Крестьянки в подавляющем большинстве не знали о возмож-

Годы	На 1 тыс. человек населения				
	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Заключение браков	Рождения на каждый брак*
1861-1870	50,2	36,9	13,3	10,4	4,9
1871-1880	50,4	36,4	14,0	9,5	5,3
1881-1890	50,4	35,5	14,9	9,1	5,5
1891-1900	49,2	34,2	15,0	9,0	5,5
1901-1910	46,8	30,3	16,5	8,5	5,5
1910-1913	43,9	27,1	16,8	8,0	5,5

* В абсолютных цифрах.

ности искусственного прерывания беременности. Об абортax слышали только те, кто жил в городах, а таких в деревне было чрезвычайно мало. О противозачаточных средствах крестьяне также не знали. По этому поводу новгородский священник Ф.В. Гиляровский в конце XIX в. писал: "Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить". Ф.В. Гиляровский объяснял причину некоторого снижения деторождений преднамеренным увеличением крестьянками периода лактации: "Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом. Там же, где мужья уходят на заработки на год и более, матери намеренно кормят детей до тех пор, пока муж остается дома, и отнимают их, как только он уходит"⁷.

Рассмотрим динамику основных демографических показателей крестьянских семей во второй половине XIX - начале XX вв. Во второй половине XIX в. в России среднегодовой коэффициент рождений составлял примерно 50,0%; колебания рождаемости в 50 губерниях Европейской России были незначительными - 49-51%. Снижение показателей рождаемости стало заметно лишь в начале XX в., а особенно накануне первой мировой войны. За 1910-1913 гг. коэффициент рождаемости составил 43,9%.

Динамика показателей естественного движения населения России в 1861-1913 гг. видна из следующих данных (табл. 1).

Наиболее низкие показатели рождаемости, которые приближались к показателям западноевропейских стран, были в губерниях Прибалтики - в Курляндской - 18,7%, в Лифляндской - 23,3%. в Эстляндской - 23,0%. В губерниях, расположенных южнее и восточнее Прибалтики, рождаемость была около 30,0%. На востоке центра России рождаемость достигала порой биологически предельных норм - 50-60%. Такая рождаемость объясняется не "славянской плодовитостью", не биологическими или национальными особенностями, а ранними браками крестьян, - большинства населения страны. Земские материалы свидетельствуют о зависимости уровня смертности от материального достатка крестьянской семьи. Так, известный земский статистик Ф.А. Щербина⁹, используя материалы подворных переписей по Воронежской губернии, получил данные о том, что у мелких и разоряющихся слоев деревни коэффициент смертности был почти в полтора раза больше, чем у зажиточных и богатых семей. Небольшое снижение смертности в целом по стране в изучаемый период объясняется, главным образом, уменьшением распространения заразных заболеваний в результате усилий земских врачей, отчасти местной администрации. Динамика умерших от разных инфекционных болезней подсчитана по данным санитарного статистика и демографа С.А. Новосельского (табл. 2).

Таким образом, почти за четверть века среднегодовое число умерших от названных заболеваний снизилось на 216 тыс. чел. Однако уровень смертности на селе оставался очень высоким, особенно в неурожайные годы, когда сотни тысяч людей гибли от голода и эпидемий.

Смертность от инфекционных болезней в 1891-1914 гг.

Годы	Число умерших в среднем в год в тыс. от:			
	Тиф	Оспа	Дифтерия, скарлатина, корь, коклюш	Всего
1891-1895	113	73	404	590
1896-1900	78	57	365	500
1901-1905	78	42	347	467
1906-1910	72	42	308	422
1911-1914	60	29	285	374

Детская смертность в России была очень высока. В работах земских врачей мы встречаем описания быта русской деревни конца XIX - начала XX вв., в результате которых погибали дети в самом раннем возрасте. В частности, С.А. Глебовский и В.И. Гребенщиков, касаясь причин высокой смертности грудных детей в центральных губерниях России, отмечали, что помимо тяжелых экономических условий весьма существенное значение имел весь быт населения. "Под этим последним, - пишут авторы, - мы разумеем те предрасудки, то невежество народа, благодаря коим ребенок... с первых же дней своей жизни поставлен в самые невыгодные условия ухода вообще и питания в частности"¹¹.

Много умирало детей на первом году жизни. Среднегодовые данные за 1886-1897 гг. показывают коэффициент смертности младенцев до 1 года в 27,4%, а в 1908-1910 гг. - 25,3%. Несколько более высокие коэффициенты смертности детей до 5 лет за те же годы, соответственно - 43,2% и 38,9%. Даже в самые благоприятные и урожайные годы коэффициент детской смертности не опускался ниже 24%. Некоторое снижение детской смертности проявилось только в начале XX в. Однако перед первой мировой войной в России был самый высокий уровень смертности детей в Европе. По отдельным губерниям России детская смертность достигала еще более высокого уровня, чем средняя по стране. Так, в 1908-1910 гг. в Нижегородской губернии этот коэффициент составил 34,0%, в Вятской - 32,5%, в Олонецкой - 31,1%, в Пензенской - 30,5%, в Симбирской - 30,8%, в Самарской - 29,7%, в Саратовской - 28,7%¹².

Экономический фактор детской смертности доминировал. На это указывали исследователи того времени: "Население, существующее впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей, особенно если к этому прибавить те неблагоприятные условия, в каких, помимо недостатка питания, находится женщина в период беременности и вслед за нею"¹³. В основе нищеты крестьянских семей было малоземелье; чем лучше крестьянин был обеспечен землей, тем выше был материальный уровень его хозяйства и тем меньше была детская смертность в таких семьях. Данные по Воронежской губернии, разработанные Ф.А. Щербиной, показывают, что в крестьянских семьях, более обеспеченных землей, уровень детской смертности на треть ниже, чем в безземельных¹⁴.

Сколько же детей могла родить за свою жизнь крестьянская женщина в описанных условиях? По данным земских врачей, в конце XIX - начале XX вв. половая зрелость у русской крестьянки наступала в 15-16 лет, модалный возраст - в 16-17 лет, колеблясь по губерниям в пределах 15,3-17,1 лет. Начало физиологической стерильности относилось примерно к 40 годам, то есть за 5-7 лет до наступления менопаузы. К этому возрасту детородная деятельность крестьянской женщины, как правило, заканчивалась: тяжелые условия труда и быта, физические нагрузки преждевременно лишали ее способности к деторождению. Если учесть, что большинство женщин выходило замуж в возрасте 18-20 лет, то получится, что крестьянка могла рожать детей примерно на протяжении 20-22 лет. Первого ребенка обычно крестьянка рожала через 2-3 года после свадьбы. Принимая во внимание крестьянский обычай кормить ребенка грудью "два великих поста", можно считать интервал между последующими рожденьями примерно таким же, как и перед первым, если не большим, учитывая возможность уменьшения вероятности зачатия с возрастом. Значит, замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь 8-10 детей. Правда, далеко не всем женщинам удавалось неразлучно прожить с мужем до конца детородного периода. Ранние

овдовения, нередкие разлуки на более или менее долгое время существенно сокращали время, прожитое в фактическом браке, что вело к снижению уровня рождаемости в сравнении с уровнем плодovitости. Следует учесть также и некоторые другие факторы - бесплодие супругов и т.п.

Погубернские исследования земских врачей дают нам точные данные о том, сколько детей в среднем рожали крестьянские женщины: воронежские имели по 8,9 детей, костромские и ярославские - по 8, рязанские - по 7,7, вологодские - по 6,3 и т.д.¹⁵. Следует отметить, что 7-9 детей это очень много, хотя меньше уровня физиологической плодovitости.

Что же побуждало крестьянскую семью к столь высокой рождаемости? Дети, по мнению крестьян, являлись не столько радостью, сколько необходимостью. Их отсутствие воспринималось как большая горе. Без взрослых сыновей крестьянское хозяйство, как правило, не становилось зажиточным; недостаток земли и рабочих рук обрекал его в лучшем случае на "серединку". А "семьянистое" хозяйство могло рассчитывать на экономическое благополучие, на стабильность и "основательность". Крестьянские дети рано начинали помогать родителям; 15-16-летний подросток считался работником, выполняя все крестьянские дела.

Кроме того, горе бездетной крестьянской семьи еще и потому было велико, что бездетных супругов в старости часто ожидали нужда, лишения, нищета. По морально-этическим нормам общины сын должен был содержать престарелых немощных родителей, а дочь - ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Так повсеместно и было. Нерадивых сыновей содержать родителей в старости принуждали крестьянский сход, иногда и помещик. В конце XIX - начале XX вв. на страже интересов родителей стояло и официальное право. В волостных судах, где разбирались жалобы родителей на грубых и невнимательных детей, виновные сыновья наказывались штрафом или арестом на несколько суток и принуждались к выполнению обязанностей перед родителями¹⁶. "В крестьянском мировоззрении отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде, - отмечал этнолог Р.Я. Внуков. - Пятая заповедь ("Чти отца своего и мать") особенно любимая. "Непочетники" - самая обидная кличка для детей"¹⁷.

Забота о малых детях в целом не была в обычае крестьянской семьи. Как отмечал в художественном повествовании о крестьянском детстве Д.В. Григорович, "самый нежный отец, самая заботливая мать с невыразимой беспечностью представляют свое детище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическом развитии ребенка, которое считается у них главным и в то же время единственным, ибо ни о каком другом и мысль не заходит им в голову. Не успеет ребенок освободиться от пелен, как уже поручают его сестре, девчонке лет четырех или пяти..."¹⁸. Чем больше детей имела семья, тем меньше она уделяла внимания отдельному ребенку. В семье заботились преимущественно о двух-трех детях. К другим же относились хладнокровнее. Иногда многодетные матери, измученные непосильной нагрузкой, благодарили бога за то, что он "прибрал" их ребенка. В случае отсутствия детей крестьяне усыновляли сироту, а в случае рождения одних дочерей принимали в семью зятьев. Усыновление утверждалось сельским обществом; "приемыши" не подвергались ограничениям в правах и ущемлению достоинства.

Внебрачные дети, родившиеся у вдовы или девицы и не узаконенные браком, считались незаконнорожденными. Рождения вне брака сурово осуждались и сельской общиной и каждым крестьянином. Родившей вне брака женщине грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей или родственников - и нищета. Нередко она была вынуждена покинуть деревню, оказывалась в городе и зачастую попадала в публичный дом. Без семьи, без родных, при отсутствии помощи и поддержки родственники "согрешившей" матери обычно отворачивались и от нее и от ребенка. Отец по закону не обязан был содержать внебрачных детей. Внебрачные дети в деревне были навсегда отвергнутыми, их презирали, высмеивали, присваивали им унижительные клички и прозвища. Кроме того, внебрачные дети не получали материальной помощи от общины и государства. Однако при наличии земли по достижении совершеннолетия незаконные дети мужского пола могли получить надел.

При подобном отношении к внебрачной рождаемости неудивительно, что она была весьма низкой в русской деревне; "незаконные" рождения составляли здесь в среднем в год около 2% всех рождений. По мнению ряда исследователей, действительное число внебрачных рождений у крестьян было больше, так как незамужние крестьянки стремились рожать таких детей в городе, где новорожденный регистрировался, отдавался в "люди" или оставля-

лея в приюте. Однако это обстоятельство не могло оказать решающего влияния на показатели внебрачной рождаемости. На рубеже XIX-XX вв. в Европейской России в целом доля внебрачной рождаемости была не намного выше в сравнении с сельским населением, превышая в среднем за год 2,5-3%²⁰.

Отметим, что крестьяне небезразлично относились к срокам появления детей. По наблюдениям Г.И. Успенского, "существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней - желания, чтобы "баба" в трудную рабочую пору "страды" была здорова, не лежала в родах и не была брюхата, - несомненно"²⁴. По-видимому, в крестьянской среде существовали представления и о нежелательности очень большого числа рождений.

Первая мировая война 1914-1918 гг. оказала сугубо отрицательное воздействие на демографическую ситуацию в стране. Сельское население пострадало более других слоев, показав отрицательную динамику по всем демографическим параметрам. Массовая мобилизация мужчин репродуктивных возрастов вызвала разрушение семейных связей и резко сократила возникновение новых семей, что скоро выразилось в снижении рождаемости; увеличилась смертность мужчин на фронтах "великой войны", а упадок хозяйства, где преобладали женщины, старики и дети, привел к снижению качества жизни и к увеличению детской смертности. Все это выразилось в следующих цифрах (табл. 3). Влияние первой

Таблица 3²⁵

Влияние мировой войны на рождаемость и смертность

Годы	Коэффициенты (в %)		
	Рождаемость	Смертность	Смертность для населения старше 1 года
1913	47,0	30,2	19,6
1914	46,9	29,0	18,4
1915	39,7	29,9	21,0
1916	29,9	28,7	22,0
1917	23,9	27,6	22,3

мировой войны оказалось гораздо более значительным, чем предшествующей русско-японской. Было мобилизовано 16 млн. мужчин, что составило 40% всех мужчин в возрасте 20-50 лет. Поскольку война началась летом, то она не сумела повлиять на число родившихся в 1914 г. С 1915 г. начало сказываться "демографическое эхо" войны.

Уровень рождаемости в годы войны сократился вдвое; падение этого демографического показателя происходило из года в год. Это и понятно, так как мобилизация захватывала все большие категории мужчин сельского населения и одновременно условия жизни на селе непрерывно ухудшались. Правда, коэффициенты смертности в 1915-1917 гг. несколько снизились по сравнению с 1913 г. исключительно вследствие падения рождаемости. Поэтому для получения правильной картины уровня смертности мы привели коэффициенты смертности населения старше 1 года. При таком расчете падение рождаемости исключается лишь частично, так как в то время весьма высока была смертность среди годовалых, двух- и трехлетних детей, численность которых в селах к 1916-1917 гг. значительно сократилась. Таким образом, и без того высокая смертность в мирное время еще более возросла в военные годы в результате новых лишений, которые стали испытывать крестьянские слои населения во время войны. По сравнению с предвоенными годами в стране образовался дефицит рождений, в результате чего уменьшились абсолютные и относительные показатели численности детских контингентов. По нашим подсчетам, в масштабах страны из-за первой мировой войны родилось на 7 млн. чел. меньше. Если же учитывать и последний год войны - 1918 г., то косвенные потери населения страны составили не менее 10 млн. чел.

Влияние войны на брачность сельского населения проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванным мобилизацией мужчин, а отчасти и ухудшением экономических условий. Понижающее влияние войны на число браков отразилось в их снижении по сравнению с 1913 г. (100%) до 42-43% в 1915 г. и 1916 г., и 65% в 1917 г.

Обычно война сильнее влияет на брачность сельского населения, нежели городского. Для городов характерны концентрация военнослужаших, система "брони" для работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужчины призывного возраста, за исключением единиц, подлежат мобилизации. Разницу такого положения ярко подтверждают показатели брачности по Московской губернии и Москве (табл. 4). Количество нереализованных браков по 50 губерниям Европейской России за годы первой мировой войны оценивается специалистами в 1,7 млн.²⁸.

Таблица 4²⁷

Брачность в Москве и Московской губернии в 1913-1916 гг.

Годы	Коэффициенты брачности (в %)	
	Московская губерния	Москва
1913	7,4	5,9
1914	5,5	5,5
1915	22	4,1
1916	2,3	3,9

Однако крупные войны служат причиной таких глубоких и необратимых изменений в составе населения, которые не только затрудняют процессы послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях - нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения. Главная причина такого нарушения - повышение смертности людей в период войны и прежде всего массовая гибель молодых мужчин на фронтах. Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводит к существенным деформациям возрастной пирамиды и сказывается на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступают поколения, родившиеся в военные и близкие к ним годы. Все эти черты военного времени с наибольшей полнотой сказались на сельском населении в целом и на крестьянских семьях особенно.

Обобщить данные о демографическом поведении русских крестьян можно так. Взгляды крестьян в совокупности и образовывали социально-психологическую и морально-этическую модель демографического и семейно-брачного поведения, желательного и идеального. Сведения исторической демографии, этнологии, экономики, социальной психологии и педагогики позволяют думать, что соответствующий этой модели тип поведения сложился у русского крестьянства задолго до XIX в., не претерпел существенных изменений в течении исследуемого периода, и стал меняться в условиях перемен, начавшихся в конце 20-х годов текущего столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Кистяковский А.Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т. 8; и др.

² См.: *Семевский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVII в. // Устои. 1882. № 2. С. 72; и др.

³ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 8-13.

⁴ См.: *Славянский К.Ф.* К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1874-1875. № 10. С. 214-215; *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь "Ивана" // Записки Императорского Русского географ. общества по отделению этнографии. СПб., 1914. Т. 39. С. 4.

⁵ См.: *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 77.

⁶ *Гиляровский Ф.В.* Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866. С. 74.

- ⁷ Гиляровский Ф.В. Указ. соч. С. 90.
- ⁸ Составлено и подсчитано по: Покровский В.И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. 2. С. 182; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг., 1916. Ч. 2. С. 14-94; Военно-статистический сборник: Россия. СПб., 1871. Вып. IV. С. 51-67.
- ⁹ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: Статистические материалы подворных переписей по губернии. Воронеж, 1897. С. 86.
- ¹⁰ Составлено и подсчитано по: Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 182, 184.
- ¹¹ Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 271-274.
- ¹² Подсчитано по: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С. 19; Движение населения Европейской России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1911. С. 190, 191, 192.
- ¹³ Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁴ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии... С. 252-254.
- ¹⁵ Подсчитано по: Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... С. 32-33; Богданов Л. Санитарные очерки Пошехонского уезда. Ярославль. 1881. С. 15; Олихов С. К вопросу о плодovitости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 824; Григорьев И. О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 1889. № 21-23; Синкевич Г.П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.-Л., 1929. С. 41-42, 46, 60; Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903. С. 29, 37, 57; Жбанков Д.Н. Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866-1883 гг. Кострома, 1887. С. 58.
- ¹⁶ См.: Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. Год шестой. СПб., 1896. Отд. 1. С. 471-472.
- ¹⁷ Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 17.
- ¹⁸ Григорович Д.В. Избранные произведения. М.-Л., 1959. С. 87.
- ¹⁹ Шингарев А.И. Положение женщины в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1889. № 9. С. 25.
- ²⁰ Подсчитано по: См. примечание 15.
- ²¹ Успенский Г.И. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 103.
- ²² Составлено и подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С. 179; Он же. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978. С. 115, 119, 120; Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970. С. 290; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 18-19.
- ²³ См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л., 1930. С. 19; Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября // Ученые записки Всесоюзного заочного экономического института, М., 1957. Вып. 2. С. 113-134; Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 97; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. М., 1960. С. 691.
- ²⁴ Составлено и подсчитано по: Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. С. 24.
- ²⁵ См.: Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войны. М., 1975. С. 42.